

РОССИЙСКАЯ ФОРМУЛА ТРУДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

© 2006

Л.А. Окольская *

Дореволюционный период: традиционная этика

В русском языке понятие труда изначально определялось через усилия, прилагаемые человеком для осуществления какого-либо замысла. В толковом словаре В. Даля с этим понятием связывается “все, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет”. От корня “труд” образованы слова, обозначающие болезнь, мучение и привыкание к страданиям. В XX веке такие слова перешли в класс устаревших и сейчас редко употребляются в разговорной речи, а раньше “трудоватым” назывался немощный, больной человек. Глагол “трудиться” имел значения “мучиться, живя в нищете” и даже “лежать в агонии”.

В русском фольклоре, как и в творчестве других народов, представления о рае были связаны с изобилием пищи и иных предметов потребления. Жителям потустороннего мира не нужно было работать, и сказочные герои, получая от них поддержку в виде волшебного предмета, устраивали свою жизнь “нетрудовым” способом¹. Страдательная этимология слова и фольклорный образ идеального мироустройства показывают отношение к труду как к неизбежному бременю, от которого людям хотелось избавиться.

Представления о труде в России формировались, с одной стороны, под влиянием православия с инкорпорированными в него языческими верованиями, с другой — под влиянием накопленного обществом многовекового опыта жизни в определенных социально-экономических и природно-климатических условиях. Трудовая этика в доиндустриальной России во многом была схожа с ценностными системами европейских стран в эпоху традиционализма. Активная модернизация, начавшаяся во второй половине XIX века, привела русское общество к значительной конвергенции с капиталистическими странами. В этой статье будут освещены, с одной стороны, общность тру-

* **Окольская Лидия Александровна** — младший научный сотрудник сектора исследования личности Института социологии РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые.

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Сост., науч. ред., текстол. комм. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2005. С. 251–252.

довых норм в России и западноевропейских обществах, с другой — подчеркнуты особенности отечественных представлений о труде.

Основное отличие традиционалистской трудовой этики от современной в том, что она не рассматривает человеческий труд как единое здание, возводимое в течение жизни. Для нее этот процесс мыслится как череда конкретных повседневных заданий, которые нужно выполнить здесь и сейчас, во многом для того, чтобы иметь возможность перейти к празднику — важнейшей для доиндустриального общества форме бытия. Минималистские стандарты потребления позволяют членам общества не задумываться о накоплении материальных благ, а, обеспечив базовый уровень удовлетворения потребностей, немедленно переходить к релаксации. В таких условиях труд носит нерегулярный, спазматический характер. Его режим обусловлен сельскохозяйственным и природным циклами. Место труда, как правило, не отделено от места обитания, что способствует смешению работы с другими видами жизнедеятельности.

Перечисленные черты были широко распространены в Европе в аграрную эпоху; с началом индустриализации они не исчезли, но стали подвергаться, постепенной трансформации. М. Вебер связывает данный феномен с возникновением протестантизма; католическая трудовая этика, по его мнению, в большей степени отвечает укладу традиционного общества. Ортодоксальное христианство по своим представлениям о труде тоже тяготеет к нему.

Православие, как и католицизм, рассматривает работу как наказание, ниспосланное человечеству за грехи. Оно конструирует образ трудящегося человека, который терпеливо переносит тяготы ради спасения своей души и всего социума и в этом уподобляется Христу. При этом под трудом может пониматься духовная деятельность, “внутреннее творение во имя Христа”², в какой-то мере — отречение от всех мирских благ. Подобное мировоззрение свойственно отшельникам, которые всегда были распространены в России. Большая часть российского общества, не отрекаясь от земного труда и хозяйства, считала идеалом образ жизни людей “не от мира сего” и поддерживала их пожертвованиями и милостыней.

Помимо внутреннего творения, высокое сакральное значение в православии имел тяжелый физический труд крестьянина. Как и в средневековой Европе, он считался основой человеческого существования и залогом спасения души. Не случайно в

² Лапицкий М. Православное хозяйствование о. Сергия Булгакова // Лапицкий М. Деятельный без принуждения. М.: Изд. дом “Новый век”, 2002.

монашеских сообществах России духовное совершенствование совмещалось с грубым бытовым, в первую очередь земледельческим, трудом.

Отношение к богатству и стяжательству в православии носило негативную окраску: считалось, что, стремясь заработать и нажить как можно больше, человек невольно служит не Бо-

стр. 17

гу, а маммоне, и тем самым нарушает вторую ветхозаветную заповедь о несотворении кумиров. Однако уже в XVI веке богословами предпринимались попытки реабилитации экономической активности. Так, в “Домострое” — известнейшем литературном памятнике позднего средневековья — утверждается, что рачительные хозяева угодны Богу, и их праведно нажитое богатство не помеха спасению души. Среди историков бытует мнение, что постепенное, органичное движение православия к религиозной рациональности было прервано церковными деятелями, проводившими немалые западные заимствования и спровоцировавшими раскол, а также реформами Петра I, вызвавшими парадоксальную стагнацию этико-религиозной мысли³.

Пример модернизированного конфессионального сознания, ставящего во главу угла хозяйственную активность, содержится в старообрядческой версии православия⁴. Известно, что средний уровень благосостояния раскольников XVII–XIX веков был выше, чем у большей части населения, разделявшей официальную церковную доктрину. Староверы преуспевали в сфере коммерции и промышленности; их крестьянские хозяйства, как правило, были зажиточными. Существует мнение, что маргинальное положение раскольников, создававшее преграду их самореализации во многих сферах, таких как государственная служба, духовная карьера и отчасти даже земледелие, заставляло их концентрировать усилия в предпринимательской деятельности. Не пойдя по пути протестантского учения о предопределении, они в целом оптимистично смотрели на мир и полагали, что каждый человек может достичь спасения,

стр. 18

если будет усердно и благочестиво работать и направит результаты труда на устройство материальной и духовной жизни общины. На основе строгой трудовой этики и принципа

³ Керов В.В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история, 2001. № 4. С. 21–22. О трудовой этике старообрядцев подробнее см.: Подвойский Д.Г. Старообрядцы и русский капитализм // Человек. 2005. № 2.

⁴ См., напр.: Самсин А.И. Философия хозяйства С.Н. Булгакова: постулаты и уроки // Свободная мысль, 2005. № 8. С. 170—178.

личной ответственности была создана концепция “дела” — духовно-земной миссии верующего, посредством которой он приобщался к Всевышнему.

Помимо философских идей, трудовую жизнь аграрного российского общества регулировала обрядовая система православия путем соотнесения церковного календаря с полевыми работами. Практически каждый святой выступал в качестве покровителя той или иной земледельческой процедуры, совершение которой сопровождалось молитвой и прочими религиозными действиями. В данной традиции можно усмотреть отголоски языческих верований славянских племен, ассимилированные идеологией монотеизма.

Быт в доиндустриальной России, как и в Европе, организовывался благодаря системе многочисленных праздников, предполагавших запреты на многие виды работ. Традиция не работать в воскресные и праздничные дни была узаконена церковью и государством, что в XIX веке вызывало нарекания социальных деятелей. Праздничная культура русских в средние века, по-видимому, была во многом схожа с европейской и предполагала проведение пиров и братчин — коллективных торжественных собраний, во время которых люди угощались за праздничным столом и заодно заключали деловые сделки.

Особенности трудового поведения российского крестьянства подробно описаны Л. Миловым⁵. На основе собранной им информации можно выделить следующие трудовые нормы.

- Крестьянству свойственна чрезвычайно высокая концентрация сил и выполнение больших объемов работ в сжатые сроки. По выражению В. Ключевского, “ни один народ в Европе

стр. 19

не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии”⁶.

Трудовая культура русского крестьянства обязана данным свойством неблагоприятным климатическим условиям. Крестьяне располагают примерно четырьмя месяцами для ведения полевых работ, в то время как в Европе земледельческий период занимает большую часть года. В средневековой Европе трудовое поведение также не отличалось размеренностью и регулярностью, однако в России его спазматический

⁵ Милов Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.

⁶ Ключевский В.О. Соч.: в 8 томах. М., 1956–1959. Т. I. М., 1956. С. 314. Цит. по: Милов Л.В. Великорусский пахарь...

характер был выражен в гораздо большей степени. Целостную интерпретацию неритмичного, неупорядоченного режима труда, при котором периоды напряженной деятельности чередуются с промежутками полной релаксации дает Б.Н. Миронов: “Для крестьян имело смысл не накопление богатства, а спокойная и праведная жизнь, которая одна только и могла обеспечить вечное спасение и добрую славу среди односельчан. В системе ценностей православного крестьянина праздник был важен потому, что освобождал от бремени земных забот, делал человека свободным и равным другим. Именно поэтому, говорила пословица, “всякая душа празднику рада”: чем больше праздников, тем лучше могла казаться жизнь”⁷.

- Российские крестьяне привыкли получать крайне малое вознаграждение за свой труд. Это объясняется низкой урожайностью, которая усугублялась необходимостью работать на господском поле, помимо своего надела. Двойная нагрузка в сочетании с краткими сроками неминуемо снижала либо качество работ, либо площадь обрабатываемого собственного надела, что отражалось на продовольственном бюджете семьи. Потребительские стандарты сельского населения веками оставались на крайне низком уровне, и нормальным вознаграждением считалось такое, которое позволяло человеку лишь, только воспроизводить свою рабочую силу. Социальный историк Б. Миронов, расходящийся с Л. Миловым во мнении относительно напряженности крестьянской работы, считает привычку к скудному вознаграждению элементом минималистской трудовой и потребительской этики, характерной для традиционных обществ⁸.

- Технологический консерватизм — приверженность традициям и отторжение новшеств. Жалобы помещиков на неприятие крестьянами прогрессивных методов ведения сельского хозяйства описаны как в русской литературе XIX века, так и в работах социальных исследователей⁹.

В романе “Анна Каренина” Л.Н. Толстой показывает антагонизм дворянского модернизма и крестьянских трудовых установок на примере активного хозяйственника Левина: “Он стоял за каждый свой грош, ... а они только стояли за то, чтобы работать спокойно и приятно, то есть так, как они при-

⁷ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социол. исследования, 2001. № 10. С. 99–108.

⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. (Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства). СПб.: “Дмитрий Буланин”, 1999. Т. 2. С. 305.

⁹ См., напр., Kingston-Mann E. In the light of the West: The impact of Western economics in pre-emancipation Russia // Comparative Studies in Society and History. 1991. Vol. 33, No. 1. P. 86–105; Leibovich A.F. The Russian concept of work. Suffering, drama and tradition in pre- and post-revolutionary Russia. Westport (Connecticut), L.: Praeger, 1995. P. 132–133.

выкли. В его интересах было то, чтобы каждый работник сработал как можно больше, притом чтобы не забывался, чтобы старался не сломать веялки, конных граблей, молотилки, чтоб он обдумывал то, что делает; работнику же хотелось работать как можно приятнее, с отдыхом, и главное — беззаботно и забывшись, не размышляя»¹⁰.

Данный отрывок весьма напоминает европейские примеры борьбы новой и старой трудовых культур, происходившей одним-двумя веками ранее. Первопричиной подобного консерватизма можно считать крайне низкую отдачу от вложенного труда, минимальный объем прибавочного продукта в сельском хозяйстве. Постоянное балансирование на грани нищеты и голода заставляло крестьян проявлять осторожность в отношении любых, даже привлекательных отклонений от установившихся традиций, так как на карту была поставлена жизнь. Иными словами, если обеспеченный американский фермер мог позволить себе сельскохозяйственный эксперимент, рискуя некоторой долей прибавочного продукта, то российский крестьянин был лишен этого запаса и, соответственно, возможности маневрировать.

Технологический консерватизм не может быть объяснен экономическими или природно-климатическими факторами. Здесь задействованы и социальные причины, в том числе конфессиональные. О.И. Шкаратан отмечает, что византийской культуре, транслированной в Россию вместе с православием, было свойственно безразличие к орудиям труда, завышение роли мастера в процессе производства. Качественный результат приписывался умению человека-созидателя, но не инструментам, которые он использовал¹¹. Кроме того, при изучении причин технологического консерватизма не следует забывать о сущности традиционалистского мировоззрения. Оно основывается на стабильности, устойчивости ценностей, норм и образа жизни людей. С точки зрения традиционалистского сознания самый надежный источник информации — опыт предков, и даже очевидная эффективность технологических инноваций не способна быстро преодолеть приверженность этому опыту. Враждебное отношение к техническим новшествам было характерно и для средневековой Европы. Французский историк Ж. Ле Гофф описывает борьбу крестьян и сеньоров за использование коней вместо быков, водяных мельниц вместо ручных жерновов, и т.д.¹² В России XIX века аналогичная установка проявлялась в порче крестьянами сельскохозяйственных орудий, сопротивлении календарному смещению отдельных видов работ и т.д.

¹⁰ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.—Л.: Гос. изд. худ. лит., 1950. С. 318–319.

¹¹ Шкаратан О.И. Общество и реформы. Русская культура труда и управления // ОНС, 2003. № 1. С. 41.

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послел. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 281–282.

- По свидетельству современников, в дореформенной России было широко распространено скептическое отношение к труду, т.е. апатия и безразличие к собственному благополучию, нежелание работать сверх необходимого минимума. С одной стороны, эти свойства можно интерпретировать как результат

стр. 21

слабой связи между уровнем трудозатрат и получаемым результатом и неверие в возможность достижения лучшего качества жизни. С другой, их можно рассматривать как очередное проявление принципа минимализма — добровольного отказа от дополнительных материальных благ в пользу дополнительного отдыха.

Внешние проявления скептической установки были крайне непривлекательны: неряшливость и леность, алкоголизм и воровство, запущенность домашнего и полевого хозяйства, отсутствие склонности к сбережению и попрошайничество. Все это вызывало возмущение помещиков, многие из которых применяли силовые методы для изменения ситуации. Однако следует подчеркнуть, что данный феномен наиболее характерен для барщинного крестьянства, то есть для самого жесткого варианта крепостных отношений, и отчасти являлся его продуктом.

- Принципиальная особенность трудовой культуры российского крестьянства — коллективизм. О нем свидетельствует чрезвычайная устойчивость крестьянской общины и расширенной семьи, сохранившихся вплоть до второй половины XIX века. Они органично дополняли и поддерживали друг друга: так, в функции общины входил контроль целостности семей, удержание их от раздела. Обе эти формы социальной организации были обусловлены экономически, т.е. необходимы для физического выживания крестьян. Они ограничивали индивидуальную активность и инициативу, а также обеспечивали

стр. 22

взаимопомощь и повышали эффективность труда. Так, одной из общинных практик являлся обычай трудиться “на помочах”, по принципу “всё у всех”, когда группа людей поочередно выполняла те или иные работы в домашнем хозяйстве своих членов. Единственным вознаграждением для них служило вечернее угощение, в состав которого непременно входили спиртные напитки.

Безусловно, огромное влияние на формирование трудовых установок и норм российского крестьянства оказало крепостное право. Отношения феодальной зависимости прямо или косвенно усиливали перечисленные выше черты: способность к концентрации, консерватизм, скептическую установку, привычку работать даром и коллективизм

русских крестьян. При этом надо учитывать, что отношение к труду помещиков, характеризовалось неприятием физического труда, восприятием его как неблагородной и неизбежной обязанности низшего сословия. Приемлемыми для дворянства видами труда были: умственная и управленческая деятельность, государственная, в частности военная служба. Демонстративная праздность была широко распространенным явлением в этой социальной группе.

Этический кодекс отношений дворян и крепостных зачастую озвучивала церковь. В целом православная церковная политика не была направлена на оправдание крепостного права при помощи теологии. Она скорее подчеркивала взаимный характер обязательств: хозяева должны были относиться к своим крепостным, “как отцы к детям”, поддерживать их, не перегружать тяжелым трудом и поборами, наказывать не по злобе, а лишь с благим намерением исправить недостатки. Крепостным, в свою очередь, полагалось повиноваться господам и быть трудолюбивыми, честными и почтительными¹³. Церковь создавала идеальную модель отношений, которая далеко не всегда реализовывалась в действительности.

В истории русского феодализма широко известны примеры жестокости господ по отношению к вассалам: образ Салтычихи хорошо сохранился в коллективной памяти и запечатлен в школьных учебниках. В западных исследованиях также встречаются подробные описания истязаний крепостных, возможно, рассчитанные на то, чтобы привлечь внимание читателей и доказать социальную и культурную “отсталость” России по сравнению с европейскими обществами. Не столь гласными являются многочисленные примеры помощи, которую помещики оказывали своим крепостным. Между тем, данная практика была широко распространенным элементом землевладельческой политики. Борьба с бедностью велась постоянно и включала такие методы, как раздача продуктов первой необходимости, ссуды (или безвозмездная денежная помощь), контроль над состоянием полевого инвентаря и домашнего хозяйства в целом. Господа запрещают-

стр. 23

ли разделы крестьянских семей, так как из опыта явствовало, что риск разорения нуклеарной семьи существенно выше, чем семьи расширенной. Помещики оказывали помощь погорельцам и нищим, привлекая их к работам в собственном хозяйстве или “трудоустраивали” в какой-либо крестьянской семье¹⁴. Такой патернализм имел экономическую подоплеку: землевладельцам было выгоднее получать ренту с

¹³ Freeze G.L. The Orthodox Church and serfdom in prereform Russia // Slavic Review, Vol. 48, No. 3 (Autumn, 1989). P. 361–387.

обеспеченных, чем с убыточных домохозяйств. Однако в условиях тотальной крестьянской бедности и дефицита прибавочного продукта сложно определить, окупались ли их вложения в полной мере.

Подобная установка по отношению к труду была характерна в равной степени для Европы и России, однако на Западе ее трансформация началась раньше и проходила успешнее, чем в нашей стране. Важными причинами инертности российской трудовой этики являлись: использование развитых форм промышленного производства в условиях крепостного права и замедленная урбанизация второй половины XIX века.

Трудовые установки и отношения, сформировавшиеся в аграрной России, действительно транслировались в сферу промышленности и закрепились там более чем на сто лет. Это произошло во многом за счет сохранения и даже ужесточения крепостных отношений на заводах XVII века, к которым приписывались целые деревни и села для обеспечения постоянного трудового ресурса. Рабочие, прикрепленные к заводу, фактически вели деревенский образ жизни, а в весенне-летний сезон целенаправленно занимались земледелием. Заводской режим не был непрерывным, что увеличивало его сходство с трудовым ритмом сельского хозяйства. Этот режим предполагал либо работу через день (плюс воскресные дни), либо двухдневный отдых после каждых суток работы. В среднем это означало три-четыре дня заводского труда в неделю. При оценке этой нагрузки следует учитывать, что рабочие не получали платы и обеспечивали себе пропитание только за счет личного хозяйства, на ведение которого также требовались временные и физические ресурсы. Кроме того, характер занятости был пожизненным и принудительным.

Что касается наемного, оплачиваемого труда (выполнявшегося, например, оброчными крестьянами на отходных промыслах), краткосрочные формы занятости и нерегулярные производственные циклы господствовали вплоть до середины XIX века. Работники в основном нанимались на один или несколько дней; месячная занятость была редкостью. Поденный труд довольно высоко оплачивался, гарантируя пропитание не только на время его выполнения, но и в течение некоторого последующего периода. Все это способствовало консервации установки на неритмичный труд, характерной для традиционалистских обществ.

стр. 24

Еще одной причиной устойчивости “крестьянского” отношения к труду в сфере промышленности стала относительно медленная урбанизация в конце XIX — начале XX

¹⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь... Гл. 2.

веков. Известно, что за 1861–1914 гг. доля городского населения России увеличилась с 9 до 15%, то есть всего на 6%¹⁵. Низкий удельный вес горожан и возможность сочетать традиционные формы поведения с урбанистическими стереотипами затрудняли проникновение модернизированной трудовой этики в сознание людей.

Массовая миграция крестьян в города, пришедшаяся на первые десятилетия советской власти, формально превратила их в горожан и рабочих. Государство и руководство предприятий было вынуждено принимать активные меры по вторичной социализации и ассимиляции мигрантов, адаптируя их к урбанистической жизни и промышленным формам труда. Следует признать внушительные достижения советского государства в этой области.

Советский период: модернизация трудовых ценностей

Процессы урбанизации и индустриализации, происходившие в России в первой половине XX века, резко изменили жизнь населения и характер труда миллионов людей. К середине 30-х годов доля городского населения страны составляла уже около 25%¹⁶, и значительная часть новоприбывших была занята в промышленности. Однако требования к трудовому поведению рабочих существенно отличались от правил, установ-

стр. 25

ленных в сельском хозяйстве. При сохранении общей идеи труда как жизненной ценности, работа на заводе предполагала планомерный режим, внимательность и аккуратность, ограничение коммуникации, запрет на потребление алкогольных напитков во время работы и т.д. Усвоение новых правил не было автоматическим. Напротив, новички воспроизводили привычные формы трудового поведения, несовместимые с производственным процессом.

Ситуация усугублялась тем, что слой рабочих пополнялся за счет крестьян, не обученных ремеслу, способных выполнять лишь малоквалифицированную работу и, следовательно, далеких от идеи промышленного производства. Выходцы из регионов с развитыми кустарными промыслами редко становились рабочими, предпочитая сферу торговли и другие более специализированные и высокооплачиваемые занятия¹⁷. Такие мигранты (остававшиеся в меньшинстве) исторически имели более тесную связь с городом и, вероятно, успели отчасти усвоить нормы городской жизни. В сферу

¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 2. С. 293.

¹⁶ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 86.

промышленности попадали люди, недавно познакомившиеся с урбанистической культурой и, следовательно, в большей степени приверженные традиционалистскому мировоззрению.

Влияние городской жизни на крестьян-мигрантов зачастую оценивалось современниками как негативное. Они полагали, что ее анонимность и индивидуализм провоцируют выходцев из села на такие формы поведения, которые ранее подавлялись локальным сообществом и патриархальной семьей. Крестьяне, оставшиеся в деревне, отмечали, что переехавшая в город молодежь становится более ленивой в работе и злоупотребляет алкоголем, теряет чувство субординации и ведет слишком свободную сексуальную жизнь. И.А. Голосенко приводит данные о том, что слой городского пролетариата тратил около 1/3 своего бюджета на спиртные напитки, причем к алкоголю в массовом порядке прибегали и женщины¹⁸.

В 1900–1929 годах потребление алкогольных напитков действительно было широко распространено в заводской среде. Среди рабочих трезвость считалась отклонением от нормы и затрудняла коммуникацию с окружающими. Рабочие упорно защищали свой излюбленный способ проведения досуга, оперируя понятиями революционной риторики, и до определенной степени преуспевали в этом. Как известно, пьянство осталось проблемой промышленных предприятий и много десятилетий спустя.

Неадекватное трудовое поведение, с одной стороны, объясняется неприятием чуждых трудовых норм: например, необходимость монотонно работать, не отвлекаясь и не покидая рабочего места, была неочевидна вчерашнему крестьянину (и сильно его утомляла). Отсутствие срочного задания интерпретировалось как возможность расслабиться. Запрет на потребление алкоголя на рабочем месте был менее строгим в сельском хо-

стр. 26

зяйстве, где от работника не требовались точность движений и внимательность. С другой стороны, переехав в город, мигранты ощущали резкое ослабление социального контроля: удаленность от представителей соседского сообщества, низкий авторитет малознакомых горожан — все это артикулировало подавляемые ранее склонности. Таким образом, худшие элементы трудовой культуры воспроизводились в промышленном производстве Советского Союза.

¹⁷ Economakis E.G. Patterns of migration and settlement in pre-revolutionary St. Petersburg: Peasants from Iaroslavl and Tver provinces // *Russian Rev.* 1997. Vol. 56, No. 1. P. 8–24.

¹⁸ Голосенко И.А. Русское пьянство: мифы и реальность // *Социол. исследования.* 1986. № 3. С. 203–209.

Что касается крестьянского населения, оставшегося в сельской местности и после индустриализации, то, по мнению А. Лейбович, в начале 30-х годов его трудовая жизнь мало отличалась от дореволюционной¹⁹. Это было обусловлено тяжелыми экономическими условиями, голодом и репрессиями, систематическим выкачиванием ресурсов из села в город. Фактическое возрождение феодальных отношений в деревне неминуемо затормозило ее модернизацию. Гражданская депривация сельских жителей, не имевших возможности выехать из деревни без разрешения колхозного руководства, позволила сохранить представление о мученической доле крестьянина и скептическую установку по отношению к труду.

Воспитание трудовых норм, адекватных промышленному развитию страны, стало первоочередной задачей советской элиты. В число мер, предпринимаемых по изменению трудовых норм и поведения людей, вошли: жесткая регламентация промышленного труда, кампания по борьбе с пьянством, стахановское движение, проект ликвидации безграмотности и воздействие средствами массовой информации. Эти меры были направлены на утверждение чрезвычайной важности труда в человеческой жизни и социалистических предписаний о том, как надо работать.

Перечисленные выше практические меры укладываются в единую нормативную концепцию, содержащую онтологическое объяснение необходимости труда и предписывающую индивидам определенные рабочие правила. В некотором смысле концепция явилась удачным сочетанием западной протестантской модели (предполагающей равномерность и методичность труда, ценность профессиональной самореализации, ограничение потребления) с нормами, свойственными российской традиции (например, повышенной спазматичностью труда).

Центральное положение в рамках данной этической системы занимали коллективизм и патриотизм, так как коллектив и общество (Родина) были универсальным благом, ради которого индивид жил и, естественно, работал. Эти ценности были легко восприняты слабо урбанизированным советским обществом, где идея индивидуализма еще не успела укорениться. По мнению А.Г. Вишневого, коллективизм стал органическим продолжением соборной идеологии православия, рассматривавшей человека не как независимого индивидуума, но как

¹⁹ Leibovich A.F. The Russian concept of work. Suffering, drama and tradition in pre— and post-revolutionary Russia. Westport (Connecticut). L.: Praeger, 1995. P. 138–141.

члена сообщества, которому он должен подчиняться и которое всецело определяло его жизнь²⁰. Поэтому в сознании советского гражданина общественная польза непременно должна была превалировать над личным интересом, духовные мотивы — над материальными. Однако подобные приоритеты имели место лишь на словах, но не на деле.

Трудолюбие шло в привязке к первым двум ценностям: труд был важен постольку, поскольку он направлялся на общество, на процветание коллективного, государственного предприятия. Индивид мог доказать свою приверженность обществу исключительно через работу. Марксистская идеология была трудоцентристской, она подчеркивала, — именно труд превратил обезьяну в человека, а любовь к работе служила показателем моральной зрелости. Примечательно, что понятие отчуждения, выработанное К. Марксом и ставшее основой его теории, считалось нерелевантным для советского общества, поскольку результаты работы “принадлежали” всем трудящимся. Значимость труда в советской идеологии признавалась столь высокой, что люди, не занятые в общественном производстве без уважительной причины, считались “тунеядцами” и подвергались уголовному преследованию.

Интересное противоречие двух норм, связанных с трудолюбием, подметили британские социологи Д. Лэйн и Ф. О’Делл²¹. С одной стороны, в рамках советской ценностно-нормативной системы все работы и профессии обладали

стр. 28

одинаковой ценностью для общества. С другой, чем лучше человек работал или учился, тем больший вклад он вносил в процветание родины. Рассогласование заключается в том, что первая из этих норм косвенно нивелирует ценность достижения (зачем становиться инженером, если быть грузчиком — не менее почетно?); вторая же нарушает принцип равенства граждан. Публичное прославление неквалифицированного, рутинного труда, с одной стороны, способствует росту удовлетворенности трудом у представителей данного рода занятий и как будто утверждает необязательность усилий по повышению образовательного и профессионального уровня. По мнению британских исследователей, ведущее положение в советской идеологии все же занимала ценность достижения, что указывало на фактическое существование профессиональной стратификации.

Следствием ценностного союза патриотизм–коллективизм–трудолюбие была дисциплина. Коллективный труд во имя Родины предполагал существование отлаженного

²⁰ Вишневецкий А.Г. Цит. соч. С. 158–180.

²¹ Lane D., O’Dell F. The Soviet industrial worker. Oxford, 1978. P. 59–64.

механизма субординации, где каждому индивиду, занимающему ту или иную позицию в иерархии, предписывалось совершение жестко регламентированных действий. Советские догматы предполагали три типа дисциплины: по принуждению, ради выгоды и внутреннюю. Причем если в традиционных обществах в основном господствовал первый тип, в буржуазных — второй, то социалистическому обществу формально соответствовал третий тип — внутренняя дисциплина.

Советская трудовая идеология имела много общего с протестантской трудовой этикой уже потому, что последняя предложила модель трудового поведения, оптимальную для индустриального общества. Ее и пытались воспроизвести в Советском Союзе. В обеих ценностных системах труду и производственному накоплению придавалось чрезвычайно высокое значение, потребление же всячески ограничивалось и минимизировалось. По мнению В.С. Магуна, основное различие протестантской и советской этики состояло в том, что на Западе труд базировался на частной собственности и был достаточно свободным, в России же людям предлагалось действовать, исходя из представлений о всеобщей пользе, и находясь в весьма тесных рамках²².

Судить о действенности трудовой идеологии в СССР довольно сложно. Несомненно, что под влиянием воспитательных мер изменилось массовое сознание и поведение в рабочем мире. Люди усвоили относящуюся к труду идеологическую лексику, а вместе с ней — систему понятий, описывавших и объяснявших устройство мира, в котором они жили. Этнографическое исследование А. Минаевой показывает, что работа на государство — основная трудовая деятельность любого советского человека — описывалась крестьянами и рабочими 60–70-х годов при помощи официальных штампов и клише,

стр. 29

тогда как домашний труд — средствами неформальной лексики²³. Более того, работа по хозяйству вообще не мыслилась людьми в обобщенных терминах труда; она представлялась им в виде конкретных разрозненных заданий. Данный результат свидетельствует о совмещении традиционных и современных представлений о труде в массовом сознании.

Вместе с сознанием трансформировались и объективные черты трудового поведения: пунктуальность и дисциплина, привычка к размеренной работе были в

²² Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России, 1998, №4. С.113–144.

²³ При этом горожане были в большей степени вовлечены в дискурс официальной идеологии, чем жители села. См.: Минаева А. “Работал на заводе до мозолистых рук” // Отечественные записки, 2003. № 3.

значительной мере усвоены работниками промышленности и других городских отраслей экономики. Нарушения этих норм, конечно, не были редкостью. Например, согласно результатам известного исследования А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова, проведенного в 1967 г., доля недисциплинированных рабочих на промышленных предприятиях Ленинграда составляла 21%²⁴. Однако подобная проблема была характерна и для промышленности западных стран, например, США и Великобритании.

Несмотря на сходство с протестантской этикой, советская идеология не смогла воспитать в человеке чувство личной ответственности и готовность принимать самостоятельные решения. Устройство трудового мира и образовательной системы было направлено на формирование исполнительных работников, действующих по команде. В упоминавшемся исследовании “Человек и его работа” доказано, что уровень инициативы среди промышленных рабочих в 60-е годы был довольно низким. В сочетании с принципом общественной (а, значит, “ничьей”) собственности подобные качества порождали халатность, хищения, порчу общественного имущества и многое другое. Уже после распада СССР, в 90-е годы, международные исследования показали низкую значимость для российского населения ценностей достижения, инициативы, ответственности (по сравнению с другими странами)²⁵. Возможно, преодоление именно этого наследия окажется наиболее сложной задачей для современной России.

стр. 30

²⁴ Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. Учебное пособие для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2003. С. 95–97.

²⁵ Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России, 1998, №4. С.113–144. Об этой проблеме см. также: Куприянова З.В. Трудовая мотивация российских работников // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 30–34; Чайковская Н., Эйдельман Я. Трудовая мотивация работников промышленности: структура и динамика // Общество и экономика. 2000. № 11–12. С. 104–117.